

старые русские награды. Отдельные русские казаки пришли даже в своей старой казачьей форме. Были и царские офицеры в погонах. Много пришло священников. Общее ликование было сильным».

После разгрома Японии части 22-й, теперь уже Краснодарско-Харбинской Краснознамённой стрелковой дивизии были отправлены сначала в Хабаровск, а затем, в 1946 г., на Камчатку, где разместились как в самом г. Петропавловске-Камчатском, так и на его окраинах. Вместе со своим самоходно-танковым полком прибыл в Петропавловск и Пётр Яковлевич Яковлев, где дослужился до майора медицинской службы и ушёл на заслуженный отдых. Умер П. Я. Яковлев в 2010 г.

22-я стрелковая дивизия (в/ч 10103) находилась в составе 25-го армейского корпуса Дальневосточного военного округа. Почётным красноармейцем её мотострелкового полка (городского) является В. И. Ленин. За ним до сих пор закреплена кровать и тумбочка в одной из рот.

Кроме мотострелкового полка в дивизию входили танковый полк (в/ч 61761), расквартированный в пригородном п. Чапаевка, который и назван в честь этого Чапаевского полка, и мотострелковый полк в другом пригородном п. Долиновка.

В 1957 г. 22-я стрелковая дивизия стала мотострелковой дивизией в составе того же 25-го армейского корпуса. В июне 2002 г. дивизия реформирована в 40-ю отдельную мотострелковую бригаду и переподчинена Тихоокеанскому флоту.

В августе 2007 г. мотострелковая бригада была реформирована в 40-ю отдельную бригаду морской пехоты. И поныне в г. Петропавловске-Камчатском дислоцируются морские пехотинцы, гордо называющие себя чапаевцами. Все регалии 22-й дивизии у бригады морской пехоты сохранены. Морских пехотинцев, славных наследников чапаевцев, можно встретить во многих точках Мирового океана, где они несут службу на кораблях Тихоокеанского флота.

В период с 1959 по декабрь 1962 г. камчатскими чапаевцами (тогда ещё 22-й мотострелковой дивизией) командовал полковник, получивший на Камчатке звание генерал-майора, Александр Иванович Одинцов. Позже он дослужился до генерал-полковника. Выйдя в отставку, занялся литературным трудом. Александр Одинцов – автор нескольких книг военной прозы. Его, уроженца Республики Коми (Усть-Вымский район), помнят и чтут на родине. Похоронен он в Москве.

«Большая честь иметь таких знаменитых земляков, – говорил глава Усть-Вымского района в Сыктывкаре на 100-летнем юбилее А. Одинцова в 2018 г. – Мы чтим память тех, кто прославил нашу малую родину».

Александр Одинцов прошел дорогами Великой Отечественной войны разведчиком, или, как сказали бы сейчас, спецназовцем. Подвиги спецназа времён войны он описал в своих книгах «Немеркнувшее зарево», «Огненная вьюга» и других.

Ещё одним чапаевцем, Петром Яковлевичем Яковлевым, гордится Елизовский район Камчатского края. Он его почётный житель. Пётр Яковлевич прошёл не только войну с Японией, но и участвовал в боях на западном фронте, на Дальний Восток его подразделение было переведено из Польши в 1944 г. Он награждён многими боевыми орденами и медалями. Будучи санитаром, а затем фельдшером, вынес с поля боя не одну сотню раненых бойцов, следил за санитарией в ротах, помогал хирургам у операционных столов.

Как видим, славная Чапаевская дивизия продолжает жить. Но теперь уже на дальневосточных рубежах нашей Родины. И в Мировом океане.

В. А. Снытко, Т. В. Котова, В. С. Тикунов, А. В. Собисевич
КОНСТАНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ САЛИЩЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. Константин Алексеевич Салищев (1905–1988) является создателем научной школы географической картографии, внесшим большой вклад в исследование Дальнего Востока. В течение 1926–1934 гг. вместе с С. В. Обручевым он участвовал в трех экспедициях по исследованию мало изученных районов Дальнего Востока. Результатом исследования стало открытие хребта Черского и полюса холода Оймякона. Эти исследования и впервые составленные К. А. Салищевым топографические карты на основании выполненных им астрономических определений и маршрутных съемок дали новое представление об этом регионе. Исследования, проведенные совместно с С. В. Обручевым, заложили основы новой географии этого региона.

Ключевые слова: Константин Салищев, экспедиции С. В. Обручева, северо-восток, хребет Черского, школа географической картографии.

V. A. Snytko, T. V. Kotova, V. S. Tikunov, A. V. Sobisevich
KONSTANTIN A. SALISHCHEV AS AN EXPLORER OF THE FAR EAST

Abstract. Konstantin A. Salishchev (1905–1988) is a founder of the scientific school of geographical cartography, a world-renowned scientist, one of those who made an invaluable contribution to the study of the Far East. During 1926–1934, together with S. V. Obruchev, he participated in three expeditions to explore poorly studied areas of the Far East. The result of the study was the discovery of the Chersky ridge and the Oumyakon cold pole. Research and first compiled by K. A. Salishchev's topographic maps based on his astronomical definitions and route surveys gave a new idea about this region. Research, which he made together with S. V. Obruchev, led to the foundations for a new geography of this region.

Key words: Konstantin Salishchev, S. V. Obruchev's expeditions, North-East, Chersky ridge, school of geographical cartography.

Константин Алексеевич Салищев (1905–1988) – географ-картограф, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, создатель научной школы географической картографии, ученый с мировым именем, один из тех, кто внес большой вклад в исследование Дальнего Востока.

К. А. Салищев родился 20 ноября 1905 г. в семье промышленника, купца первой гильдии в Туле. Среднее образование получил в Тульском реальном училище. С 1922 по 1927 г. учился в Московском межевом институте (сейчас Московский государственный университет геодезии и картографии – МИИГАиК). Одним из первых студентов избрал географо-картографическую специальность, впервые введенную в 1923 г.

В это время интересы молодого, но уже достаточно опытного геолога С. В. Обручева привлекают малоизученные территории Сибири и Дальнего Востока, в том числе обширный район к востоку от Лены. «Район к югу от Колымского тракта – это не только наименее исследованная область во всем СССР, – это одна из наименее известных стран в мире» [4, с. 8]. «Огромная область, более чем в миллион квадратных километров, имеющая границей Охотское море и Алдан на юге, Яну на западе и 65° широты на севере, пересечена только одним маршрутом Черского. Область, составляющая одну двадцатую часть всей площади дореволюционной России, все еще оставалась столь же таинственной, как верховья Конго или антарктический материк в начале прошлого века» [2, с. 12].

Оценивая предшествующие походы в этот район, С. В. Обручев пишет: «Здесь было несколько путешественников, но все они прошли по одному приблизительно маршруту, пересекавшему область наискось. Все эти путешественники, кроме И. Черского, географических материалов почти не дали» [6, с. 8].

В 1926 г. Геологический комитет, наконец, выделил скромные средства для организации экспедиции под началом С. В. Обручева, мечтавшего о ней на протяжении ряда лет. Ему поручалось пройти на северо-восток, через Верхоянский хребет, к Чыбагалаху, оставить здесь разведочную партию для нахождения платины, а затем идти на запад и исследовать район между Индигиркой и Верхоянским трактом. Вся экспедиция к концу сентября должна была вернуться в Якутск, чтобы застать последний пароход по Лене. К участию в экспедиции первоначально, кроме С. В. Обручева, были привлечены еще три научных сотрудника; рабочих предполагалось нанять по прибытии на место.

В самом начале подготовки экспедиции была поставлена задача – не ограничиваться маршрутной съемкой, но также привязать ее к астрономическим пунктам, которые следовало определить. Для выполнения этой части работы и «был приглашен геодезист К. А. Салищев» [4, с. 13]. Если С. В. Обручеву в это время было 35 лет, а за плечами большой опыт работы в экспедициях, то геодезисту К. А. Салищеву – немногим более 20.

Константин Алексеевич не оставил своих воспоминаний об экспедиции. Позже, как человек с железным характером и твердой волей, он никогда не вспоминал и не говорил о трудностях и лишениях, касающихся работы или жизненных ситуаций. Казалось, в его жизни их просто не существовало. Только из книг, написанных С. В. Обручевым, где он так часто упоминает К. А. Салищева, можно воссоздать этот период его жизни – начало пути в большую науку, где ему предстояло сделать так много. Для С. В. Обручева он, вначале ответственный, профессионально подготовленный

к выполнению возложенных задач сотрудник, стал надежным спутником и, судя по воспоминаниям, несмотря на разницу в возрасте, надежным товарищем в нелегких экспедиционных буднях. Неоднократно руководство экспедицией в силу тех или иных обстоятельств возлагалось на Константина Алексеевича. *«Я оставляю приказ: ...назначаю Салищева начальником экспедиции»* [6, с. 55].

Уже в начале организации экспедиции проступают такие черты характера К. А. Салищева, как требовательность, стремление идти к намеченной цели, подчас недостижимой в предлагаемых обстоятельствах. Он сохранил их на протяжении всей жизни. Для привязки маршрутной съемки необходимо наблюдение астрономических пунктов. Вот как об этом пишет С. В. Обручев: *«Особенно много огорчений с хронометрами: недостаток средств не позволяет взять радиоприемник и отдельного радиста. Нам придется определять долготы хронометром – методом, который при такой продолжительной экспедиции (4 месяца) ненадежен. К. А. Салищев клянется, что ничего не выйдет, что ошибки в определениях будут неприличны, что стыдно теперь[,] в XX веке[,] работать без радио. И для меня хронометры все лето служат одним из самых серьезных источников мрачных мыслей, хотя, в конце концов, результаты их работ оказались превосходными. Салищев все время пользуется моим страхом, чтобы добиться наибольших удобств для перевозки своих любимых инструментов»* [4, с. 13].

5 мая С. В. Обручев и К. А. Салищев выезжают на пассажирском автобусе из Иркутска до с. Качуга. В автобусе им приходится, стиснутым со всех сторон, сидеть неподвижно, подобрав ноги, а на коленях держать ящики с хронометрами в волосяных чехлах: *«Это большие тюки, но Салищев не позволяет их поставить на пол из-за сильной тряски»* [там же, с. 15].

Работа экспедиции проходила в суровых климатических и бытовых условиях, подробно описанных в книгах С. В. Обручева. Приведем только два фактора (не самых неблагоприятных из всех, которые постоянно приходилось преодолевать в период экспедиции) – это страшный холод и комары. *«Сегодня Салищев наблюдал ночью на морозе в 30 градусов. Тяжелое испытание для наблюдателя: к винтам инструмента нельзя прикоснуться, объектив покрывается льдом. К тому же, кроме полушубков, у нас нет теплой одежды, а в сапогах стоять на морозе несколько часов подряд мучительно»* [9, с. 65]; *«...главное – руки. Чтобы иметь возможность работать, мы обшили компаса материей, выкинули кожаные поясные сумки – Салищев держит записную книжку и компас в холщовом мешочке на шее, а я – в карманах полушубка. Я еду в двойных песцовых рукавицах, а Салищев пришел большие волчьи рукавицы к шубе, внутри заячьи рукавицы, дальше – перчатки; для работы рука просовывается в прорез рукавицы на пульсе – по тунгусскому образцу. Но ничто не помогает... Салищев в отчаянии стал засовывать руку сквозь все меха и греть ее о голое тело. Это, кажется[,] самое верное»* [4, с. 217]. И далее: *«На стоянке Салищев за это время определил астрономический пункт. Работа не из приятных. Наблюдения пришлось проводить по звездам поздним вечером и ночью, когда комары бывают неистовы: полотенце, обернутое вокруг головы, не предохраняет. Надеть сетку нельзя: глаза должны быть открыты»* [6, с. 37]. *«Ночью Салищев опять мучается возле инструмента – нужно определить астрономический пункт, а комаров здесь достаточно»* [там же, с. 46].

Была еще масса и других трудностей – многокилометровые переходы с тяжелыми подъемами по каменистым склонам, опасность оказаться в ледяной воде по причине ненадежности лодок, гибель лошадей, неустроенность экспедиционного быта и др. Обратимся к воспоминаниям С. В. Обручева: *«Снаряжение экспедиции в глухие места имеет решающее значение: неудачно снаряженная экспедиция или гибнет или возвращается с пути, не выполнив своей задачи... Многие мы решали на авось»* [там же, с. 19]. Но обозначенная мрачная перспектива не в случае С. В. Обручева и К. А. Салищева.

Исследованиями был охвачен район верхнего течения Индигирки от истоков до полярного круга; пересечен Верхоянский хребет по северной летней и южной зимней Оймяконским тропам. Пройден путь от Якутска до Алдана по Охотскому тракту до Татты, далее к Уолбе и затем на Крес-хальджай; обратный зимний маршрут от устья Хандыги через устье Амги к Татте и далее Охотским трактом. В действительности экспедиция после Чыбагалаха попала не к западу, а к востоку, на Индигирку, и вернулась не к сентябрю, а только к Новому году [там же].

На месте «белого пятна» появилась точная карта, основанная на восьми астрономических пунктах. Результаты экспедиции заставили пересмотреть всю орографию этой территории. На старых картах отображены продолжающие одна другую дуги Верхоянского-Колымского-Анадырского хребтов, от которых на север отходят меридионально ориентированные цепи, обозначая водоразделы между притоками основных рек – Яны, Индигирки, Колымы. Вместо меридиональных цепей

экспедиция нашла ряд широтных, загибающихся на северо-запад. Так был открыт новый хребет – хребет Черского, названный по предложению С. В. Обручева в память о замечательном исследователе [11, 12, 18].

Об этом открытии С. В. Обручев позже вспоминает: *«Утром, пока Конон чинит лодку, мы с Салищевым решаем сходить на соседнюю гору в надежде увидеть на востоке или севере пресловутую низменность Майделя. Поднимаемся на склон крутой горы, вершина которой скрыта в облаках. ...На этой вершине мы с Салищевым окончательно убедились в том, что нами открыт новый большой хребет. ...выводы о существовании единого громадного хребта подкреплялись и геологическими данными: и мои наблюдения и отчет Черского – все доказывало, что здесь проходит мощная складчатая система, параллельная Верхоянскому хребту»* [9, с. 43–44]. Посмертное желание И. Д. Черского – увековечить его память исполнилось: *«...его памятник в 1000 километров длины, 300 ширины и до 3 000 метров вышины; по площади больше Кавказа и выше всех гор Сибири. Это[,] быть может, последний большой хребет, который можно открыть на земном шаре»* [4, с. 247].

После доклада С. В. Обручева в Ленинграде Государственное Географическое общество постановило выделить новый хребет (всю совокупность описанных широтных хребтов) в самостоятельную географическую единицу и назвать его хребтом Черского [5, 8]. При этом не обошлось без недоразумений. В ответ на сомнения в существовании нового хребта возражением *«...были новые карты, тщательно составленные Салищевым»* [1, с. 29].

Результаты обработки наблюдений экспедиции отражены в двух томах, в частности, т. I. «Астрономические и топографические работы» включает, главным образом, результаты работ К. А. Салищева – астрономические определения и составленную им карту в масштабе 1 : 1 000 000 (она же является основой для прилагаемой к т. II геологической карты). Кроме того, в том включены и собранные расспросные сведения [7].

Успех экспедиции 1926–1927 гг., по словам С. В. Обручева, превзошел все ожидания. Но работы на Индигирке и открытие хребта Черского были только началом изучения огромных территорий северо-востока. *«Надо было исследовать среднее течение Индигирки и почти весь бассейн Колымы; а дальше манила нас таинственная Чукотка»* [9, с. 103].

Исследования удалось продолжить только в 1929 г., когда по поручению Якутской комиссии Академии наук началась двухгодичная экспедиция в бассейн Колымы. Намечалось исследовать восточную половину хребта Черского, уточнить орографическую схему бассейна Колымы и изучить его геологическое строение. В январе 1929 г. участники экспедиции покидают Ленинград. *«Научную работу в этой экспедиции, кроме меня, должен был вести снова геодезист К. Салищев, которому помогал радист В. Бизяев»* [там же]. Далее: *«Зимой нас покинул радист Бизяев. И К. А. Салищев, кроме топографической съемки и астрономических работ, взял на себя также и прием сигналов времени, необходимых для определения астрономических пунктов»* [там же, с. 140]. Теперь К. А. Салищев – опытный исследователь, надежный помощник Обручева, которому он поручает самые неотложные дела, будучи абсолютно уверенным в их выполнении.

Работа экспедиции протекала в столь же тяжелых условиях, как и раньше. *«4 мая приходит первая часть подвод, нанятых для нашего переезда к Алдану, – десять тощих лошадей и три быка. Судя по ним, первый этап пути вряд ли сулит много удовольствия: подвод слишком мало для нашего груза, а быки обещают томительное, скучное передвижение со скоростью не более трех километров в час»* [там же]. Из Иркутска экспедиция направляется в Якутск, в апреле покидает сибирскую столицу и в начале мая доходит до Оймякона. *«В первые же дни по прибытии Салищев ведет астрономические определения возле школы, и я помогаю ему. Еще нет теплой одежды, а по ночам за –30 °С, и нам приходится очень солоно, особенно Салищеву, который не может вытерпеть больше 15–20 минут работы с холодными инструментами, – металлические винты совершенно замораживают руки»* [4, с. 196].

Перед порогами Верхней Колымы на север в обход непроходимого для лошадей ущелья экспедиционный караван повел К. А. Салищев, в то время как С. В. Обручев, проводник и переводчик на байдарках отправились вниз по Колыме. По пути К. А. Салищев проследил строение восточной части хребта Черского и убедился в том, что хребет состоит из параллельных цепей, уходящих на север – северо-запад. Встретившись на берегу Таскана, оба отряда спустились по нему на лодке, а затем продолжили спуск по Колыме. Добравшись до Верхнеколымска, затем Среднеколымска и исследовав самые низовья Колымы, в сентябре возвращаются в Среднеколымск. Всю долгую зиму экспедиция обрабатывает материалы и весной направляется по Омолону в Нижнеколымск.

Несмотря на тяжелые условия (передвижение по снежным полям, ночевки в палаточных биваках у костра в 40-градусные морозы) непрерывно вели научные наблюдения. К. А. Салищев систематически проводил геодезические наблюдения, определял астрономические пункты. *«По обе стороны долины Омолона вдоль подножия гор лежат громадные болота и болотистые леса... За сорок лет путешествий по Сибири я никогда не встречал так много комаров, как здесь. Комары не оставляли нас в течение всего дня! Даже на середине большой реки при слабом ветре они носились тучами вокруг лодки, сидели сплошными массивами на поверхности брезента, покрывающего лодку и нас самих»* [9, с. 168].

Экспедиция благополучно пересекла обширное Юкагирское плоскогорье и вернулась в Нижнеколымск, а затем на пароходе «Колыма», совершенно не приспособленном для работы среди льдов, с большими сложностями (и одновременно впечатлениями от вновь увиденной территории), обогнув Чукотку, добрались до Владивостока.

На всем протяжении экспедиции К. А. Салищев – всегда ближайший помощник С. В. Обручева. В воспоминаниях этого периода читаем: *«Рабочие с утра уходят на “верфь” и остаются там весь день, а мы с Салищевым сначала приводим в порядок материалы зимнего переезда, а потом начинаем экскурсировать на лыжах по окрестным горам... <...> 18 мая – знаменательный день нашей весновки. Мы с Салищевым поднимаемся на большую вершину, лежащую в шести километрах за Омолоном. ...Мы сидим на ней, удобно устроившись во впадине, и греемся в лучах солнца; но, посмотрев вниз по Омолону, я внезапно вижу всего в километрах шести ниже нашего стана громадный тарын как раз в том месте, где река суживается у утесов, где, как клялся проводник эвен, лежат громадные тощи снега. Мы возвращаемся в очень печальном настроении. Будущее представляется довольно мрачным». <...> «Через два дня мы с Салищевым идем осматривать тарын»* [там же, с. 161–162]. Отправившись в экскурсию по Мунугуджаку, он наказывает Салищеву навещать время от времени тарын [там же], поскольку от этого зависит дальнейшее продвижение работ.

Результаты второй экспедиции *«были также интересны, как и первой. Нам удалось выяснить куда продолжается хребет Черского. Оказалось, что он не поворачивает к северо-востоку, как я думал вначале, а уходит к югу, пересекает Колыму у ее порогов и рассыпается на ряд цепей, кончающихся у Колымско-Охотского водораздела. ...Мы установили, что между Колымой и Омолоном, где на картах показывали хребет Колымский, расположено обширное плоскогорье, названное нами Юкагирским. Мы изучили и нанесли на карту большую область верховьев Колымы. ...Наши исследования 1926–1930 гг. и карты, которые составил на основании своих маршрутных съемок и астрономических определений Салищев, дали совершенно новое представление о расположении горных хребтов и рек северо-востока. <...> ...основы новой географии северо-востока были прочно заложены нашими экспедициями»* [там же, с. 180–181].

В ходе работ были проведены маршрутные исследования с глазомерной съемкой на протяжении 5 тыс. км (из них 3 тыс. км в бассейне Колымы), определено 17 астропунктов и 27 магнитных пунктов. Кроме того, результатом исследований стало открытие полюса холода Оймякон, следов обширного древнего оледенения, разработка номенклатуры (несколько тысяч географических названий для горных цепей) и др. [25–27].

Как позже отмечал П. Н. Крапоткин, работы С. В. Обручева и К. А. Салищева явились крупным вкладом в познание геологии края. В части орографии, помимо Верхоянского хребта и Оймяконской впадины, лежащих вне бассейна Колымы, были выделены следующие орографические единицы: хребет Таскыстабыт, Нерское плоскогорье, хребет Черского, хребет Гыдан, Юкагирское плоскогорье и низменность по левобережью и нижнему течению Колымы. Наибольший интерес из этих орографических единиц представляет хребет Черского.

С 1932 по 1936 г. К. А. Салищев возглавлял картографо-геодезический отдел Всесоюзного Арктического института. В 1932–1933 гг. в целях ускоренного освоения российской Арктики и прилегающих территорий он вместе с С. В. Обручевым, аэросъемщиком, фотолаборантом и хозяйственником совершает третью экспедицию на северо-восток. Но теперь впервые в СССР для изучения обширной территории используются исследования с самолета. Предстояло обследовать площадь около 700 тыс. км² – водораздел между Охотским морем и реками Индигиркой и Колымой, и затем Чукотский национальный округ. К. А. Салищев предложил вести съемку с самолета маршрутно-визуальным методом, при котором вдоль проложенной линии полета зарисовывается полоса до 50 км шириной. Эти полосы служили основой для подготовки топографической карты. Карта в дальнейшем корректировалась и дополнялась по наземным исследованиям. Маршруты в первый

сезон должны были проходить вдоль берегов материка. Совершив перелет от Красноярска до Амура и далее вдоль побережий Охотского и Берингова морей, экспедиция достигла Камчатки и Чукотского полуострова.

В сезон 1932 г. на основании маршрутно-визуальной съемки К. А. Салищев составил карту восточной части Чукотского округа и о. Врангеля [19], которая изменила представления об этом районе. При наличии такого опыта в следующем году за 67 часов были закончены все исследования намеченной программы – отснято 375 тыс. км² бассейна Анадыря и часть склона Анадырского хребта. Материалы съемки послужили основой для топографической карты. Кроме того, сделано географическое описание Чукотки. Уникальный опыт применения маршрутно-визуальной съемки с самолета, примененный в Колымской экспедиции для предварительного картографирования труднодоступных и малоизученных территорий, получил освещение в опубликованной им статье «Визуальная съемка с самолета и ее значение для составления 1 : 1 000 000 карты» [16]. В этот период Константин Алексеевич опубликовал еще ряд карт и научных статей [13–15, 17].

После почти десяти лет полевых работ по топографическим съемкам и составлению карт территории Крайнего Севера К. А. Салищев с 1936 по 1947 г. занимал должность профессора в МИИГАиК. В 1942 г. он начал преподавать также в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. С 1947 г. географический факультет Московского университета им. М. В. Ломоносова стал его постоянным местом работы (24).

К. А. Салищев был блестящим преподавателем и крупным теоретиком картографии [3, 10]. Представление о значительной роли карт в жизни прошлого и современного общества было воспринято под влиянием его учителей Ю. М. Шокальского и Ф. Н. Красовского, а затем в переработанном виде позволило создать собственную оригинальную теорию картографического метода познания [3]. Вышедшее в годы Великой Отечественной войны учебное пособие «Основы картоведения: Историческая часть» стало фундаментальной работой, по которой учились многие поколения студентов картографо-геодезических специальностей [20].

К. А. Салищев четко и убедительно показал роль отечественной картографии в развитии мировой картографической науки. В 1963 г. учебник «Основы картоведения. История картографии и картографические источники» [21] был награжден Золотой медалью им. Н. М. Пржевальского Географического общества СССР.

Важнейшая веха творческой биографии К. А. Салищева – участие в 1936–1938 гг. в создании Большого советского атласа мира (БСАМ), крупнейшего картографического произведения, включавшего сведения по физической и социально-экономической географии. Впоследствии он активно участвовал в создании крупных российских атласов: Атласа истории географических открытий и исследований (1959), 3-томного Морского атласа (1950–1953), Атласа мира (1954), Физико-географического атласа мира (1964), многотомного Атласа океанов (1974–1995) и др.

В 1956 г. на XVIII конгрессе Международного географического союза в Рио-де-Жанейро К. А. Салищев инициировал создание Комиссии национальных атласов, возглавил ее работу и был председателем на протяжении 16 лет. Деятельность Комиссии способствовала развитию тематической картографии во многих странах, унификации содержания атласов, сотрудничеству ученых разных стран. Под руководством К. А. Салищева подготовлены научно-методические руководства «Национальные атласы» (1960) и «Региональные атласы» (1964), которые определили развитие этого направления во всем мире. Многолетний опыт работы по региональным атласам был обобщен в фундаментальной монографии «Комплексные региональные атласы» (1976) под его редакцией. Созданная им школа университетской географической [картографии] заслужила авторитет в России и за ее пределами [23, 24].

1. Гришина Л. И. К неведомым горам. Путешествия С. В. Обручева. Изд 2-е, испр. и доп. М. : Мысль, 1974. 64 с.
2. Евтеев О. А. Константин Алексеевич Салищев (1905–1988) // Творцы отечественной науки. Географы : [очерки]. М. : Агар, 1996. С. 561–572.
3. К. А. Салищев и географическая картография (к 90-летию со дня рождения) / ред.: А. М. Берлянта, О. А. Евтеева. М. : Рус. геогр. о-во, Моск. центр, 1995. 183 с.
4. Обручев С. В. В неведомых горах Якутии: открытие хребта Черского. М. : Гос. изд-во ; Л. : Тип. Печ. двор, 1928. 247 с.
5. Он же. Когда и кем был открыт хребет Черского? // Геологический вестник. 1928. Л., 1929. Т. VI. № 4–6. С. 29–34.
6. Он же. Неведомые горы. М. : Молодая гвардия, 1931. 142 с.

7. Он же. Индигирская экспедиция 1926 г. : в 2 т. М. ; Л. ; Новосибирск : Гос. науч.-техн. горно-геолого-нефтяное изд-во, 1933. Т. 2. 134 с.
8. Он же. Объем и содержание понятий «Хребет Черского» и «Верхоянский хребет» // Известия Государственного географического общества. 1937. Т. 69. Вып. 4. С. 512–536.
9. Он же. В неизведанные края: путешествия на Север. 1917–1930 гг. М. : Молодая гвардия, 1954. 272 с.
10. Пути развития картографии : сб., посвящ. 70-летию К. А. Салищева / отв. ред.: А. М. Берлянт, А. В. Востокова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. 254 с.
11. Салищев К. А. Индигирская экспедиция 1926 г. М. ; Л., 1931. Т. 1 : Астрономические и топографические работы. С 1 картой и 1 таблицей. 60 с.
12. Он же. Предварительная карта верхнего течения Индигирки и восточной части Верхоянского хребта (к статье С. Обручева), 1 : 2 500 000 // Вестник Геологического комитета. 1927. № 4. С. 2–3.
13. Он же. Астрономические, геомагнитные и картографические работы 1929–1930 гг. (предварительный отчет). С 1 картой // Труды Совета по изучению производительных сил. Серия Якутская. Л., 1931. Вып. 1. С. 61–70.
14. Он же. Новая география Колымско-Индигирского края // Новости картографии. 1931. Вып. 1. С. 14–20.
15. Он же. Предварительная карта Колымо-Индигирского края, 1 : 5 000 000. Л., 1931.
16. Он же. Визуальная съемка с самолета и ее значение для составления 1 : 1 000 000 карты // Арктика. Л., 1933. Кн. 1. С. 139–143.
17. Он же. Карта маршрутов Колымской геологической экспедиции Академии наук СССР под началом С. Обручева. 1929–1930 гг., 1 : 1 000 000. Л., 1933.
18. Он же. Карта хребта Черского, 1 : 4 000 000 // Обручев С. В. В неведомых горах Якутии...
19. Он же. Остров Врангеля и его карты (с одной картой) // Арктика. Л., 1933. Кн. 1. С. 145–150.
20. Он же. Основы картоведения. Историческая часть. М., 1943. 247 с.
21. Он же. Основы картоведения. История картографии и картографические источники. М., 1962. 387 с.
22. Он же. Схематическая карта р. Колымы и ее притоков в области хребта Черского // Известия АН СССР. Отдел физико-математических наук, М. ; Л., 1930.
23. Университетская школа географической картографии : к 100-летию К. А. Салищева / под ред. А. М. Берлянта. М. : Аспект Пресс, 2005. 271 с.
24. Широкова В. А. Салищев Константин Алексеевич // Московская энциклопедия. М., 2007. Т. 1 : Лица Москвы. С. 140–141.
25. Das Nordöstliche Asien. Nach den Aufnahmen der Flugexpedition 1932 unter der Leitung von S. Obrutschew // Petermanns geogr. Mitteil, 1933. № 9–10.
26. Das Tschuktschengebiet. Nach den Aufnahmen der Flugexpedition 1932 und 1933 unter der Leitung von S. Obrutsche // Petermanns geogr. Mitteil, 1934. № 10.
27. Salishchev K. The Cold Pole of the Earth // Geogr. Review. 1935. № 4 (October). P. 684–685.

Н. А. Татаренкова

ГЕНЕАЛОГИЯ И БИОГРАФИИ КОМАНДОРСКИХ АЛЕУТОВ

Аннотация. Последние годы проводится кропотливая работа по изучению генеалогии командорских алеутов. С 2015 г. исследования тесно переплетаются с проектом «Тайны камчатских имен». Генеалогия отнесена к разряду вспомогательных дисциплин, но изучение родственных связей позволяет более точно воссоздавать исторические процессы, протекавшие на Камчатке и сопредельных территориях в обозримом прошлом. Взгляд через призму частных событий делает историю более живой и понятной как для широкого круга читателей, так и для узких специалистов.

Ключевые слова: проект, алеуты, аלותик, генеалогия, Командорские и Курильские острова.

N. A. Tatarenkova

GENEALOGY AND BIOGRAPHIES OF COMMANDER ALEUTS

Abstract. The laborious research work on genealogy studying of Commander Aleuts has been carried in force for last years. Since 2015 this research closely overlaps with the project «Secrets of Kamchatka names». Genealogy is identified as subsidiary discipline, but studying of family ties allows to recreate more precisely historical processes in Kamchatka and adjacent territories in the foreseeable past.